

Старинные часы

Софья медленно брела домой. Почему то в последние дни на сердце ленивым толстым котом пристроилась непонятная тяжесть. Бабушкины любимые напольные часы всё чаще сбивались со своего хриплого старческого дыхания, а утром остановились совсем. Конечно Всеволод Ильич их починит. Придёт, как настоящий доктор вымоет руки, наденет свой фартук, достанет из потёртого саквояжа инструменты...

Но в душе шевелилось предчувствие Беды. Софья слушала крепдешиновое шуршание осеннего золота под ногами, вдыхала струи северных ветров. Она шла вдоль канала Грибоедова, улыбаясь знакомым голубям и старым раскидистым липам, степенно, не спеша шла навстречу надвигающейся злорадной тени.

Бабушкины часы останавливались всегда в преддверии беды.

Они остановились в то утро, когда умер дед. Главный инженер огромного завода, уважаемый и даже великий человек упал замертво от разрыва сердца.

Маленькая Сонечка, Софьей её никто и не называл тогда, никак не могла понять, зачем укрывать зеркала, ведь им же не холодно.

Соню оставили жить с бабушкой. Родители приезжали и уезжали, превращая свои визиты в сумасшедшие праздники. Бабуля называла их кочевниками. А приезды – нашествиями татаро-монголов. Родители были вирусологами, но много лет Сонечка была уверена, что они археологи. Наверное, потому что бабуля говорила им: „Хватит вам там копать”.

Бабушка ребёнком пережила блокаду. Она занималась с четырёх лет в балетной школе – минимум еды, максимум нагрузок, прямая до хруста спина... Она так и прожила всю жизнь.

Балет и спас её от голодной смерти. Она ещё с двумя девочками бегали в госпиталь танцевать и давать концерты для раненых, потом помогали санитаркам, и главврач их поставил на довольствие. Рисковал, наверное... Когда по телевизору показывали фильм „Линия Марты”, Соне казалось, что это про её бабушку.

Блокада научила Арину Львовну жить очень аккуратно, и всегда с прямой спиной. С Достоинством. Соня впитала все эти постулаты с пелёнок. Других она просто не знала.

Несмотря на всё горе, войну и блокаду, бабушка прожила очень длинную и очень красивую жизнь. Вместе со своими подругами, теми самыми из госпиталя, они посещали театры, устраивали домашние концерты. В праздники сначала велись шумные дебаты о мёну, а потом накрывались красивые столы. Даже в те времена, когда совсем было ничего не достать – Ирочка привозила вкуснятинку с пылу-с жару. Она была актрисой, у неё имелся очень солидный муж при большой должности, денежки которого и „прогуливали” Ирочка с подружками. „Девочки” до самой старости умели радоваться каждому дню, каждому прянику и птице на ветке. Сонечка у них была „дочерью полка”, так как своих детей у барышень не было.

Когда пришла телеграмма о гибели родителей, часы тоже остановились. Не ходили семь дней, как ни старался уважаемый Всеволод Ильич. А потом вдруг пошли.

А вот бабушка совсем высохла и стала как-то меньше ростом что ли... Уже выходила „гулять” только к окну, говорила тише, а улыбалась чаще. Всё наставляла Сонечку, уговаривала... Соня даже во сне напряжённо прислушивалась к хриплому бою часов. А как не услышала их старческого кряхтения, так и кинулась в соседнюю комнату. Успела обнять и

нашептать напоследок самое главное: „Люблю”. Так и обнимала до утра, еле Ирочка их разлепила.

Старенькую и очень хрупкую Ирочку Соня забрала к себе. Мужья её уж почили, Сонечка только одна у неё и осталась. Семья, как ни крути.

Ирочка всегда была душой любой компании, фонтаном энергии и всевозможных идей. Так однажды, поигрывая диковинной застежкой от жемчужных бус, она научила непутёвых Сонькиных друзей-историков создавать родословные. Шутки шутками, смех смехом. Ну, если уж копаться в архивах, так хоть с пользой!

„В наше же время, только ленивый не мечтает оказаться праправнуком князей Мышкиных!” – веселилась она, задорно взмахивая подсинёнными кудрями.

Историки сначала ничего не поняли, а потом поставили дело на коммерческий размах. Сонечка на своём факультете искусствоведения помогала им со „старинными” картинами. Очень хорошо она писала фамильные портреты в дворянском стиле. Платили лжеНарушкины космически, ну а чтобы совесть учёных оставалась чиста, Ирочка присоветовала всегда оговариваться: „По некоторым архивным данным”. Не придраться и не подкопаться. По мотивам предыдущих серий, так сказать.

С Ирочкиной же лёгкой подачи в тяжёлые времена Сонечка и пару запылившихся сотрудников её исторического музея открыли частное бюро экспертиз, где отделяли бессовестные подделки от подлинных полотен. Из этого начинания вырос очень приличный бизнес. Работа была очень интересная. Софья могла и отказать клиентам, если они вызывали у неё подозрения. Реставрировали сами, устраивали выставки. Со временем заработали себе очень хорошее имя. За миллионами они не гнались, жили с „прямой спиной” и поднятой головой. Как учили.

А потом Соня поняла, что нужно подниматься на новый уровень, осваивать новые технологии и методики, искала специалистов. И тут неуёмная Ирочка воскликнула:

– Как где? Конечно же, в вузе! Ищите умненьких студентов! Они всегда голодны и напористы, именно то, что надо!

Так у Сонечки появились очень классные помощники.

С Сеней они учились в одном классе. Он был ужасно нескладным, длинным, очень лохматым и близоруким. Полный набор очкарика. И ещё Сенечка был самым умным мальчиком в их параллели, а может и во всей школе. На физкультуре на него жалко было смотреть, а вот на уроках математики, истории, английского он совершенно преобразался. Он говорил с диким воодушевлением, его объяснения по геометрии понимали все дети без исключения. И ещё он обожал Соню. С самого детского сада. Все знали об этом, но над ними никто никогда не смеялся. Их просто воспринимали как нечто совершенное, одно существо – СеняИСоня.

После школы они поженились, жить в те годы было очень уж тяжело. Сенечка учился на факультете биологии, Сонечка – на историческом. А потом родилась Машка. Сеня, нескладный и лохматый ботаник, оказался очень нежным и преданным отцом. Он бесконечно нянчился с Манькой, гулял с ней по набережной и в парке. А по ночам писал нереальные статьи на английском и ещё переводы. Когда Ирочка требовала, чтобы он поспал, он близоруко улыбался и утверждал, что он ведь у них Мужчина. Добытчик. Ирочка его боготворила, соседи обожали, дочка таяла при одном взгляде.

Сенечку в неполные тридцать лет сбил пьяный нувориш на крутой иномарке. Водителя так и не нашли.

Софья осталась со старенькой Ирочкой и Машкой. Машка подавала большие надежды и её взяли в большой спорт. Потом в спорт-интернат. Много лет преданная мать вкалывала не поднимая головы чтобы оплатить расходы на инвентарь, качественные костюмы, подарки для тренеров и так до бесконечности. Ирочка всё слабела и худела, а затем будто просто испарилась. Ушла тихонечко и аккуратно, боясь лишний раз потревожить.

Когда семнадцатилетняя чемпионка вернулась с травмой домой, Софья не узнала ребёнка. Всему есть своя цена. Машка стала капризной, эгоистичной и циничной фурией. Влиять на неё или воспитывать было уже невозможно.

Давно не стало бабушки и её подружек, Сени и прошлой жизни. Сонечка выросла и гордо несла на своих хрупких плечах всю тяжесть одиночества и борьбы за выживание. Никто её больше не опекал и не присматривал за ней. Давно она уже перестала быть Сонечкой.

Сейчас Софья Яковлевна медленно шла домой, неся в сердце ощущение беды. Дома ждал сюрприз. Машка с мужем ожидали мамочку. Зять был красив, мускулист и плохо воспитан. Хороший выбор. Появляясь у тещи, он хищно рассматривал стены и мебель, жмурил свои кошачьи голубые глазки и что-то там просчитывал в голове. Однажды Софье показалось, что он очень недвусмысленно и весьма плотноядно на неё пялится, но её утончённая сущность гневно отогнала эту мысль.

– Мамань, квартиру мы с Машкой решили продать, – весело сообщил зять, развалившись на её кухонном диване.

– Вот как? И где же вы собираетесь жить?

Софья в минуты ярости выпрямляла спину и чуть приподнимала голову. Она, безусловно, всё поняла, но „прикинулась ветошью”, как говорили её студенты.

– Не, свою хату мы, ясен перец, так не закинем. Мы эту в центре продаём.

Зять говорил свысока, объясняя всё несмыслёной теще, как маленькому ребенку.

Сорокапятилетняя Софья что-то такое предвидела давно. С первых минут знакомства с будущим зятем. На Марию никакой надежды не было, мыслительные процессы дочери давались гораздо хуже, чем спортивные элементы. Да и на мужа дочь смотрела с непреодолимым восхищением.

– В самом деле? Поправьте меня, если я ошибаюсь, **ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ПРОДАТЬ МОЮ КВАРТИРУ?**

Зять заржал, а дочь, единственная и горячо любимая, чертыхнулась.

– Мать, не начинай сейчас! – она почти кричала. – Нам деньги позарез нужны, мы бизнес замутили...

В дверь неожиданно позвонили. Резкий и короткий звонок. Софья медленно пошла открывать, благодаря всех известных ей богов за передышку в разговоре. В голове шумело, а перед глазами расплзались зелёные круги. Инфаркт и разрыв сердца, не иначе.

Год назад в её контору пришёл новый сотрудник. Этого компьютерного гения к ним перетацил старый Софьин приятель. Алексей Германович сначала заменил все компьютеры,

потом ввёл систему паролей и защит, которые жутко раздражали Софью. В принципе она, конечно, понимала, что данные её экспертиз и переписка с солидными музеями и конторами являются интеллектуальным достоянием фирмы и должны быть надёжно защищены. Но коды и пароли она всё время забывала и путала, к новым программам привыкала долго и вообще он её жутко раздражал. Всем своим видом. И свободным свитером, и кожаными ботинками, и ладными джинсами. Когда он увлечённо работал, а работал он практически всё время, волосы его короткой стрижки возмущённо топорщились. Софье казалось, что он похож на ежа.

Ёж вёл с Софьей сугубо деловые разговоры. Почему-то он вообще вёл себя, не как подчинённый, а скорее как эксперт, которого позвали спасти тонущий корабль. Снисходительно и покровительственно. Вёл деловую переписку на трёх языках, виртуозно направляя переговоры в нужное русло.

Алексей был независим, немногословен и практически всегда прав. Затраты на все его новшества были очень приличные, но облегчали работу и выводили её фирму на другой уровень. Появилась база клиентов, архивные материалы, наконец, были приведены в порядок. Рабочая жизнь начинала быть прекрасной и удивительной. Новый начальник компьютерного отдела работал как бульдозер.

Именно этот бульдозер и ворвался неожиданно в её квартиру сообщить пренеприятное известие. Про ключи, которые кто-то стибрил, и он не может запереть офис, который и охраняет один из бездомных „юных ленинцев”, недавно присоединившийся к их дружному коллективу.

То ли светло-зелёный цвет лица начальницы, то ли интуиция, но что-то подсказало компьютерному гению, что дело швах. Он довольно бесцеремонно ввинтился в квартиру и прошествовал на кухню. Там он расселся на стуле и внимательно уставился на мародёров. Что-что, а паузу держать он умел. Дочь Мария и её неумный муж занервничали, заёрзали, а потом кинулись в атаку. Из их воплей сразу стало всё понятно. Не ясно было Софьино к этому всему отношение. Она стояла безучастно и очень прямо, как мраморное изваяние.

– Стоп. – Алексей прервал гневные вопли молодёжи. Он заговорил очень тихо и спокойно. Зловеще даже заговорил. Внятно и доступно.

– Квартиру, други вы мои, продать никак невозможно. Она не ваша, и даже уже не вашей матушки. Маман завещала её историческому фонду города, несмотря на мои жгучие и яростные протесты. Альтруистический порыв, так сказать. Взамен на очень заманчивые соглашения с государственным музеем. Ведь завещали же?

Софья, загипнотизированная его странным тоном, медленно кивнула. Как он и предполагал, что и как делать с такой информацией младое поколение не знало. Но испугалось сильно. Да и мужик этот вальяжный и уверенный, как чеширский кот, путал им все карты. Одно дело маман на испуг и на горло взять, а совсем другое с адвокатами и фондами бодаться. Сначала вылетел из квартиры молодой горлохват, за ним следом пронеслась единственная дочь. Мат, угрозы и обвинения в неадекватности. Оба не преминули громко хлопнуть дверью.

В квартире сразу стало легче дышать и заметно посветлело. Софья, с трудом соображавшая, сначала улыбнулась, а потом принялась истерически хохотать. Смерть от разрыва сердца пока откладывалась. На неопределённое время. Бульдозер её отодвинул.

Ключи нашлись в сумке. Сразу три связки. Две по рассеянности сама владелица закинула, третью Алексей ещё с утра незаметно ей вложил, чтобы был повод пообщаться в неофициальной обстановке. Собирался он с ней по душам переговорить. Что-то такое ме-

решилось ему, беспокойно было на сердце. Да и женщина эта, совершенно несовременная, вообще лишила его покоя, как говорится, окончательно и бесповоротно. Давно уже.

Заварили чаю, ароматного, с диковинными листьями. Уселись на кухне, удобно, обстоятельно. По-домашнему. Проговорили почти до рассвета. Он ей доподлинно и однозначно изложил всё про себя. Она грустно поведала свою историю без прикрас.

Есть такие разговоры, тихие, неспешные, которые вдруг, совершенно неожиданно меняют всю жизнь. Некие параллели во вселенной вдруг слетают со своих орбит, преломляются, пересекаются и несутся дальше уже одним единым лучом. Ярким и светлым.

И оказывается, что вся жизнь „до” была просто подготовкой к этому моменту. И всё становится на свои места, и свитера отлично размещаются на одной полке, и запахи сливаются в один тонкий аристократичный аромат, и ночи становятся волшебными, а утра незабываемыми. И весело пить вместе утренний кофе, откусывая по очереди от одного бутерброда. Их можно наделать целую сотню, но так намного вкуснее. И нежность огромной волной выплеснется из телефонной трубки и затопит комнату, и заискрится от простого: „Соскучился”. И будут интересные фильмы по вечерам, переплетенье ног и рук на огромном новом диване, который выбирали целый месяц, спорили, шумели, а потом схватили первый попавшийся в магазине. Просто потому, что он огромный, как океанский лайнер и мягкий, как альпийская трава. И посиделки с хорошими друзьями, которые сразу станут общими, мудро не полезут в душу, а тихо порадуются и славно улыбнутся. А как же иначе то, вы же, ребята, молодцы!

И споры будут, и нервы, и эго разыграет, взбрыкнёт ненароком. Живые же люди, без этого никак. А только неурядицы быстро перегорят, и трудно будет вспомнить, из-за чего вообще завелись. И будет смешно, и здорово, и весело мириться.

И прибежит вскоре заплаканная дочь умолять о прощении, разочарованная в своём мачо, которому без квартиры в центре она вдруг окажется не нужна. И станет с восторгом наблюдать за ними, греться, умнеть и понимать что-то необъяснимое и очень важное. И читать начнёт запоем, и работать пойдёт где трудно, где страшно и где болят дети, но очень правильно помогать именно там.

И будут размеренно и тихо отсчитывать время старинные часы. Их отладят, заведут, смажут, и они снова весело начнут перебирать минутки. И будет жизнь. Вкусная, настоящая, полная ярких впечатлений и твёрдой веры в счастье. И веры в Любовь.

И как писал несравненный Михаил Веллер:

*Без неё никак?
Без неё неЗачем...*

Алёна БАСКИН.